

3. Trekhbratov B. A. Severokavkazskie komitety Vserossiyskogo krestyanskogo soyuza v period otstupleniya revolyutsii 1905–1907 gg. [Severokavkazskie komitety Vserossiyskogo krestyanskogo soyuza v period otstupleniya revolyutsii 1905–1907 gg.]. *Problemy istorii i kultury narodov Severnogo Kavkaza: Trudy Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Problemy istorii i kultury narodov Severnogo Kavkaza: Trudy Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo Federal]. Ordzhonikidze, 1985.

4. Trekhbratov B. A. *Severo-kavkazskoe selo v revolyutsii 1905–1907 gg.* [Severo-kavkazskoe selo revolyutsii v 1905–1907 gg.]. Rostov n/D., 1988.

5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti* [State archive of the Rostov region]. Ф. 41. Оп. 2. Д. 404.

6. Trekhbratov B. A. Kubanskaya intelligentsiya v poiskakh idealnykh form zhizni i byta (konets XIX – nachalo XX vv.) [Kuban intellectuals in search of the perfect forms of life and life (the end of XIX – beginning of XX centuries)]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii: regionalnyy nauchnyy zhurnal* [The cultural life of the South of Russia: regional scientific journal]. Krasnodar, KGUKI, 2015, no. 1, pp. 38–45.

7. *Protokoly delegatskogo soveshchaniya Vserossiyskogo krestyanskogo soyuza 6–10 noyabrya v Moskve* [The protocols of the delegates' meeting of the all-Russian peasant Union 6–10 November in Moscow]. Moscow, 1906, pp. 25, 67.

8. GARO. Ф. 41, оп. 2, д. 403, т. 1, л. 3 об., 13–14, 19; Д. 404, л. 2–3, 4–5, 8–8 об., 13, 21, 43, 52–58, 60 об. 132; Д. 405, л. 49, 61–62, 65 об., 69–70, 146; Д. 665, л. 2–3 об.: ф. 829, оп. 1. Д. 1238, л. 34 об.

9. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya* [Center for documentation of contemporary history of Krasnodar Krai]. Ф. 2830, оп. 1. Д. 56, л. 106 об. 107.

10. GARF. Ф. ДП. Д-7, оп. 233. 1906 г. Д. 3606, л. 27, 31; GARO. Ф. 41, оп. 2, д. 403, т. 2, л. 45 об., 380, 463 об.; Samopomoshch, 1908, no. 4, pp. 13.

11. GARO. Ф. 41, оп. 2, д. 405, л. 208–209.

12. GARF. Ф. ДП. Д-7, оп. 203, 1906 г.. Д. 3606, л. 20–20 об.; ЦДНИКК. Ф. 2830, оп. 1. Д. 47, л. 180. Д. 48, л. 1 об.-2. Д. 50, л. 1 об. 2, 8, 11, 26. Д. 57. Д. 284. Д. 63, л. 49 об. – 51, 74 об. – 76. GARO. Ф. 41, оп. 2. Д. 404, л. 4–5, 40–41, 132–133 об. Д. 405, л. 69–70 об.

13. *Zarya (Yekaterinodar)* [Zarya (Ekaterinodar)]. 1906, July 15.

14. *Kuban i Chernomorskoe poberezhie* [Kuban and black sea coast]. 1906, October 7.

15. GARF. Ф. 102. ДП ОО, оп. 237. 1907 г., л. 51, л. 6; GARO. Ф. 41, оп. 2, д. 550, л. 2–2 об., 54–54 об.; GAKK. Ф. 583, Оп. 1. Д. 489, л. 35–36; Ф. Р-411, оп. 2. Д. 354, л. 8–8 об., 10–10 об., 15–15 об., 17–17 об.

16. Sokolskiy V. D. «*Novorossiyskaya respublika*». *Sovet rabochikh deputatov Novorossiyska v 1905 g.* ["Novorossiysk Republic". The Council of workers deputies of Novorossiysk in 1905]. Moscow, 1963, p. 50.

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В г. СЕВАСТОПОЛЕ В 20-е гг. XX в.

Новикова Елена Викторовна, кандидат исторических наук

Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиала) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

299038, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Астана Кесаева, 14

E-mail: novikovaolena@mail.ru

В статье освещается создание советской системы образования в городе Севастополе в 20-е гг. XX в. В ноябре 1920 г. был издан приказ Крымского отдела народного образования о подчинении учебных заведений города Севастополя Отделу народного образования, который был сформирован из депутатов городского совета. Для повышения эффективности управления из членов Севастопольского городского совета были созданы секции по различным направлениям, в том числе и по народному образованию. Перед членами народного образования стояла задача составления протоколов обследования учебных заведений. В начале 20-х гг. XX в. в Севастополе осталось 27 школ 1-ой и 2-ой ступени, в которых обучалось около 5 тыс. учеников. Вопрос размещения школ в подходящих для обучения помещениях решался долго. Особое внимание работники отдела народного образования обращали на финансирование школьной сети. Средств не хватало, депутаты горсовета неоднократно обращались за дотациями к государству. Деньги приходили нерегулярно. Руководство школ вынуждено было самостоятельно изыскивать средства. В силу сложившихся обстоятельств (гражданская война, голод 1921 г.) советское правительство не смогло выполнить свое обещание о немедленном введении бесплатного образования. Плату за обучение не взимали только в начальных классах. За обучение в школах 2-й ступени родители должны были платить. Недостаточное финансирование всей системы образования сказывалось и на положении педагогического состава учебных заведений. Многие учителя увольнялись. Причинами были не только тяжелые экономические условия.

Самым серьезным преобразованиям подверглась система обучения и воспитания школьников. Программа должна была существенно измениться в связи с новыми задачами советской власти по созданию единой трудовой школы. Самым сложным испытанием для сферы образования оказались тяжелые последствия землетрясения 1927 г. На каждом заседании отдела народного образования рассматривался вопрос о выделении дополнительных средств на ремонт и оборудование школьных помещений.

Ключевые слова: городской совет депутатов, народное просвещение, отдел народного образования, Севастополь, школы, ученики

**THE CREATION OF SOVIET EDUCATION SYSTEM
IN SEVASTOPOL IN THE 20-IES OF XX CENTURY**

Novikova Elena V., Ph.D. (History)

Sevastopol Economics and Humanities Institute (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

14 Astana Kesaeva st., Sevastopol, 299038, Russian Federation

E-mail: novikovaolena@mail.ru

The article highlights the creation of the Soviet education system in the city of Sevastopol in the 20-ies of the XX century. In November 1920, an order of the Crimean department of national education on the submission of education of the city of Sevastopol to the Board of National Education was issued. It was formed from the deputies of the city council. To enhance the management efficiency of the members of the Sevastopol City Council there were established sections in various areas, including on national education. The members of the public education had the task of working out the protocols of inspection of educational institutions. In the early 20-ies of XX century in Sevastopol there were left 27 schools of the 1st and 2nd stages attended by about 5 thousand students. The issue of placement of schools in suitable training rooms was solved for a long time. The employees of the Department of Public Education paid special attention to financing of a school network. There wasn't enough money, so the members of the City Council repeatedly asked for the subsidies to the state. Money came irregularly. School authorities were forced to seek financing on their own. In view of the circumstances (civil war, famine, 1921), the Soviet government could not fulfill its promise of an immediate introduction of free education. Tuition fees were not charged only in the elementary grades. Parents had to pay the tuition fees at secondary schools. The insufficient financing of the entire education system influenced the position of the teaching staff of educational institutions. Many teachers were fired. The reasons were not only difficult economic conditions.

The system of training and education of students underwent the most serious transformations. The program had to be changed significantly due to the new tasks of the Soviet government to establish a unified labor school. The most difficult challenge for the education sector was severe consequences of the earthquake in 1927. At each meeting, the Board of Education addressed the issue of additional financing for repairs and equipment of school premises.

Keywords: City Council of Deputies, Education, Public Education, the Department of Public Education, Sevastopol, schools, pupils

После окончания гражданской войны на территории Крыма в ноябре 1920 г. был издан приказ Крымского отдела народного образования о подчинении учебных заведений города Севастополя Отделу народного образования (ОНО) Севастопольского исполкома. В документе провозглашалось отделение церкви от школы и изъятие религиозных предметов из обучения. С этого момента начинается создание советской системы образования в Севастополе.

Отдел народного образования города был сформирован из депутатов городского совета. Количество членов отдела народного образования составляло 26–40 человек. Кроме избранных народа в деятельности ОНО принимали участие кандидаты в будущие депутаты и привлеченные лица. Последние часто были обычными домохозяйками (иногда их количество составляло до 30 %). В целом, примерно 62 % депутатов имели низшее образование или были малограмотны, неграмотны [3, д. 141, л. 3]. Для таких депутатов проводились специальные курсы по ликвидации неграмотности. Отсутствие профессионализма объясняло то, что «настоящий состав работников просвещения еще успел в должной мере заслужить доверие пролетариата» [3, д. 122, л. 19]. Это отмечали сами члены ОНО.

Для повышения эффективности управления из членов Севастопольского городского совета были созданы секции по различным направлениям, в том числе и по народному образованию. Участие членов горсовета было обязательно. Общее руководство работы секции принадлежало пленуму и президиуму городского совета. Во главе секции ОНО стоял председатель. В случае его болезни организовывал работу его заместитель, делопроизводство вел секретарь. Собирались члены секции один раз в 10 дней. Секция должна была «своим авторитетом... способствовать развитию деятельности Отдела, и, не вмешиваясь в мелочи, а равно и саму технику работы, должна участвовать в разрешении общих принципиальных вопросов» народного образования города [3, д. 105, л. 2]. Каждый из членов обязан был «неуклонно следить за проведением в жизнь всех мероприятий Советской власти» [3, д. 67, л. 22]. Никто не скрывал, что главное в деятельности секции – «бдительный надзор». Видимо, с этой целью пленум горсовета призывал всех депутатов принять деятельное участие в работе наробраза, путем вхождения в школьно-педагогические, школьно-хозяйственные комитеты и родительские комитеты содействия.

Первоначально перед членами народного образования стояла задача составления протоколов обследования учебных заведений, чтобы подготовить материал для формирования бюджета на следующий год. С этой целью все члены ОНО были отправлены по школам, детским домам и т.д. Результаты оказались неутешительны. Одним из итогов гражданской войны в

Севастополе стало катастрофическое положение в деле народного образования. Произошло значительное сокращение численности самих учебных заведений. В начале 20-х гг. XX в. в Севастополе осталось 27 школ 1-ой и 2-ой ступени, в которых обучалось около 5 тыс. учеников. Плата за обучение в школе 2-ой ступени составляла 15 млн руб. в месяц [4, с. 206–211]. Анализ архивных документов позволяет определить, что в 1924 г. в школах города обучалось 5758 чел., а в 1926 г. – 6586 чел. Для сравнения приведем данные начала XX в. В этот период в Севастополе было 68 учебных заведений только начального уровня обучения, 6 средних учебных заведений. Общее количество учащихся составляло 6450 человек [1, с. 38].

Многие здания учебных заведений были разрушены. Часто помещения школ занимали другие организации. Революционный комитет Крыма в 1921 г., анализируя положение дел с обеспеченностью помещениями, всю вину переложил на «белогвардейские банды Врангеля». С точки зрения советской власти именно врангелевцы «наиболее усердно работали по части превращения школ в казармы, в результате чего все лучшие здания в Крыму, принадлежащие органам народного просвещения, оказались занятыми для самых разнообразных целей. В Симферополе, например, около 75 %. В Керчи и Феодосии – до 80 % школьных зданий занято различными учреждениями и органами. Такое положение, разумеется, не терпимо в советском строе, отводящем первое место делу народного образования и воспитания подрастающего поколения» [2, л. 10]. При этом представители Ревкома «забыли», что после ухода войск барона Врангеля прошло больше года, а данные помещения занимали уже советские органы власти.

Такая же сложная ситуация была и в Севастополе. Потребовалось специальное распоряжение горсовета: «Всем организациям и учреждениям возратить наоброзу весь школьный инвентарь, а равно передать и школьные здания... лучшие особняки в городе и районе» [3, д. 143, л. 4]. Не смотря на угрожающие требования «привлекать к ответственности всех лиц, независимо от занимаемой должности, которые дезорганизуют своими действием работу народного образования в Крыму» вопрос размещения школ в подходящих для обучения помещениях решался долго [2, л. 11]. Лишь к концу 20-х гг. прошлого века депутаты констатировали, что распределение детей «по школам почти безболезненное» [3, д. 248, л. 45].

Особое внимание работники ОНО обращали на финансирование школьной сети. От них требовали работу «народного образования строить исключительно на бюджете, не уклоняясь от сметы расписаний» [3, д. 143, л. 3]. Не смотря на режим строгой экономии, средств все равно не хватало. Работники ОНО неоднократно обращались за дотациями к государству. Деньги приходили нерегулярно. На начало 1922–1923 учебного года только 15 % школ содержалось за счет государства, 85 % за счет бюджета города [3, д. 98, л. 10]. В сентябре 1923 г. местные власти признали, что сеть образовательных учреждений была сокращена, но количество детей в школах увеличилось. «Сокращение вызвано исключительно отсутствием средств местного бюджета» [3, д. 143, л. 6]. В ноябре 1923 г. городской совет Севастополя рассматривал введение платы за обучение в начальной школе. Вопрос отложили до весны. В середине 20-х гг. прошлого века на нужды школьного строительства выделили всего 19 % от требуемой суммы [3, д. 173, л. 20].

Руководство школ вынуждено было самостоятельно изыскивать средства. Например, выплачивали плату за использование школьного имущества. Многие школы 2-ой ступени имели пианино, которое сдавали в аренду для проведения музыкальных вечеров. Школы такого типа обходились собственными средствами.

Депутаты горсовета осознавали важность поступления средств от правительства и в тоже время предлагали у граждан «просить личные средства» [3, д. 98, л. 6]. Вряд ли это было выполнимо. В 1921 г. ситуация в городе была сложная. Царивший голод, эпидемии кори, скарлатины, возвратного тифа, кровавого поноса, инфлюэнции уносили сотни жизней. Умерших не успевали хоронить [2, л. 32]. Промышленность Севастополя сократилась в 10 раз, в городе не хватало «топлива ... и продовольствия для снабжения всех категорий потребителей» [3, д. 103, л. 2]. В городском совете прямо признавали, что «некоторый процент населения обречен на гибель, потому что помощь медленно приходит» [3, д. 103, л. 11].

В силу сложившихся обстоятельств (гражданская война, голод 1921 г.) советское правительство не смогло выполнить свое обещание о немедленном введении бесплатного образования. Было решено плату за обучение не взимать только в начальных классах. За обучение в школах 2-й ступени родители учеников должны были платить. Сумма оплаты в школах Севастополя составляла 160 руб. Очень многие не могли полностью рассчитаться за учебу детей. На заседаниях горсовета Севастополя депутаты определили, что исключать детей из школ вследствие неуплаты за обучение – недопустимо, надо взыскивать плату через суд, но не исключать. Даже в 1927 г. на пленуме горсовета депутаты отмечали, что вопрос об оплате «ре-

пашется болезненно» [3, д. 248, л. 60]. К этому времени было принято решение о полной отмене платы за обучения в школах всех типов. Но в реальности все оставалось по-прежнему.

Недостаточное финансирование всей системы образования сказывалось и на педагогическом составе учебных заведений. В ряде архивных документов указывается, что персонал школ «голодает и даже вымирает», «бедственное положение педагогического персонала». Учителя массово подавали заявления об увольнении в связи с невыплатой зарплаты по 3 и более месяцев. Да и сама зарплата составляла 4 руб. 40 коп. [3, д. 173, л. 12]. Такая низкая оплата труда привела к тому, что в школах остались либо педагоги пенсионного возраста, либо те, кто не смог никуда устроиться. В 1927 г. в школах 2-ой ступени в городе Севастополе осталось 50 % учителей с высшим образованием. Обстановка с кадрами на селе была гораздо хуже.

В решениях пленумов горсовета постоянно предлагалось ОНО обратить внимание на материальное положение учительства, «взять под особое покровительство ... работников просвещения, по возможности улучшения их материального положения, премируя особо заслуживающих работников [3, д. 143, л. 3]. Жалование учителям 1-ой ступени подняли на 24 %, 2-ой ступени на 60 % [3, д. 248, л. 50]. В определенные часы учителям разрешили бесплатный проезд на транспорте. Но это не слишком изменило ситуацию. Кроме основной работы в образовательных учреждениях преподаватели обязаны были активно участвовать в ликвидации неграмотности и малограмотности в свободное от занятий время. Заканчивались такие дополнительные уроки к полуночи.

Причинами добровольного увольнения педагогов были не только тяжелые экономические условия. В документах содержатся примеры совершенно бездушного отношения власти к учительству. Многие из педработников подвергались уплотнению в квартирах – подселению ostrонуждающихся рабочих с семьями. Некоторых педагогов после 45 лет труда на ниве просвещения выбрасывали с вещами на улицу. Кроме этого, огромное влияние оказывало давление на учительство. Депутаты горсовета регулярно принимали постановления о решительной борьбе, «не останавливаясь ни перед чем с теми элементами, которые в нашей школе, детском доме стараются вести антисоветскую линию – вроде преподавания Закона Божия или настраивая учащихся к празднованию религиозных праздников» [3, д. 143, л. 3].

Руководители города пытались восстановить авторитет учительства «путем строгой дисциплины в школе, проводимой вместе с учкоматами и школьным советом» [3, д. 259, л. 24]. Учителям депутаты горсовета рекомендовали стремиться к повышению качества педагогической работы. Народные избранники выделили деньги на переподготовку учительства в сумме 500 руб. [3, д. 259, л. 158], проводили курсы политической грамоты для педагогов.

Новая власть стремилась изолировать непролетарские массы населения из всех сфер жизни. Коснулось это и образовательные учреждения. При создании советской системы образования в Севастополе произошли перемены в составе ученических коллективов. Депутаты г. Севастополя неоднократно подчеркивали в своих выступлениях, что состав во многих школах непролетарский, надо заполнять классы детьми рабочих. «В особенности необходимо проверить в этом отношении школы 2-ой ступени, где придется пролетаризировать состав учащихся» [3, д. 98, л. 5]. Уже к 1926 г. в средних учебных заведениях города обучались только дети рабочих.

Изменения коснулись и не только социального состава учеников. Самым серьезным преобразованиям подверглась система обучения и воспитания школьников. Программа должна была существенно измениться в связи с новыми задачами советской власти по созданию единой трудовой школы. Реформы на местах часто проводились бессистемно. Как отмечали члены ОНО, «школы брошены: ни программ, ни учебников, ни руководящих указаний», «работа идет без всякой системности и плана» [3, д. 98, л. 7]. Обучение в начальной школе велось классным методом, а в старших классах – предметным.

Большие сложности в школах возникали с обеспеченностью учебниками и методическими материалами. Старые комплекты книг советская власть запрещала использовать, особенно по гуманитарным дисциплинам. В школах не хватало учебных пособий, приборов для проведения опытов, мастерских.

В середине 20-х гг. XX в. обучение стали проводить «беседным методом». Учебный год разделили по триместрам, очень много было самостоятельной работы. Среди главных предметов были «Политэкономия», «История классовой борьбы и ВКП(б)», «Исторический материализм». По оценкам членов отдела народного образования с момента установления советской власти в Севастополе два года в школе царил «несочувственное и даже враждебное отношение со стороны учащихся» [3, д. 202, л. 206], «неверие и скептицизм учителей» [3, д. 98, л. 7].

Страна нуждалась в профессиональных рабочих кадрах, поэтому от учебных заведений требовали изменить учебные планы и программы, «стремясь к наибольшей увязке общеобра-

зовательных дисциплин со специальными, приближая школьную учебу к производству» [3, д. 248, л. 52].

Самым сложным испытанием для сферы образования оказались тяжелые последствия землетрясения 1927 г. Например, сеть учебных заведений на Южном берегу сократилась на 40 %, в Севастополе школы продолжали функционировать, «но с большим трудом» [3, д. 249, л. 56]. На заседаниях городского Совета депутаты отмечали, что в целом убытки составляли 8–10 млн руб. Во многих школах приходилось проводить занятия в три смены. Ученики были вынуждены сидеть в маленьких, душных помещениях. В городе свирепствовала скарлатина. Дети часто болели. На каждом заседании отдела народного образования рассматривался вопрос о выделении дополнительных средств на ремонт и оборудование школьных помещений.

Анализ архивных данных позволяет сделать вывод, что в начале 20-х гг. XX в. становление новой советской школы проходило в достаточно сложных условиях. Реорганизация образования, недостаточное финансирование, острая нехватка педагогических кадров не позволяли восстановить численность школ. Кардинальные изменения проходили в организации учебно-методической и воспитательной работы в школах.

Список литературы

1. Адрес-календарь Севастопольского градоначальника на 1913 г. Севастополь и Балаклава. Типография И. Неймана («Крымский вестник»). 1913. – С. 38.
2. Государственное казенное учреждение. Архив города Севастополя (ГКУ Архив города Севастополя). – Ф. Р. 79 – О. 1. – Д. 54.
3. ГКУ. Архив города Севастополя.
4. Память о прошлом : сб. науч. ст. – Севастополь : ЧП Арефьев, 2007. – 280 с.

References

1. *Adres-kalendar Sevastopol'skogo gradonachal'nika na 1913 god. Sevastopol' i Balaklava* [Location-Calendar Sevastopol mayor for 1913. Sevastopol and Balaklava], Tipografija I. Nejmana («Krymskij vestnik»). 1913., p. 38.
2. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie. Arhiv goroda Sevastopolja (GKU Arhiv goroda Sevastopolja)* [State public institutions. Archive of Sevastopol (SPI archive of Sevastopol)]. F. R 79, op 1, D. 54.
3. *GKU. Arkhiv goroda Sevastopolja*.
4. *Pamjat' o proshlom* [The memory of the past: a collection of scientific articles]. Sevastopol, 2007. 280 p.

К ТИПОЛОГИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ («НОВГОРОДСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ», «НОВГОРОДСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ», «СЕВЕРНЫЙ БЕЖЕНЕЦ», 1838–1920)¹

Козлов Сергей Александрович, соискатель кафедры истории журналистики

Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26
E-mail: blackgrifon@bk.ru

Официальные издания, в середине XIX – первой трети XX в. в российской провинции оказывали значительное влияние на формирование социокультурной среды. При этом их типологическая классификация до сих пор вызывает затруднение. На примере официальной прессы Новгородской губернии рассматриваются типологические признаки и динамика их эволюции на протяжении значительного исторического периода. Выявлены основные сходства и различия типформирующих признаков и тенденции их проявления, дано терминологическое обоснование понятий «губернские ведомости» и «епархиальные ведомости».

Ключевые слова: губернские ведомости, епархиальные ведомости, официальная печать, провинциальная печать, типология прессы, публицистика

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 14-14-53001 «Новгородские газеты в 1838–1917 гг.: историко-типологическое исследование».